

Но это — в скобках

Экран 21 апреля 1995. - 5-12 стр. - 45

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

даже не против Артура Копита, о существовании которого в пору моего детства можно было узнать только из ругательных статей в журнале "Крокодил" – была там международная страничка, посвященная гримасам капиталистического мира. Да дело не в моем отношении к тому или иному драматургу, а в неумелости режиссера что-то сладить из этих пьес. У нас, вправду, нет собственной традиции "черной комедии", если, конечно, не отыскать зачатки ее в "Ревизоре".

На пустом месте создавать что-то – дело неблагодарное. Особенно, когда не знаешь – что. Но сказать, что режиссер пытается создать какую-то традицию... Даже после трех его "черных" спектаклей в этом театре – "Папа, папа, бедный папа!..." А. Копита, "Шизофрения, как и было сказано" по "Мастеру и Маргарите" и, наконец, нынешняя премьера. Спектакль топчется на месте, вот что о нем следовало бы сказать. Топчется, "притаптывая" на ходу и актеров, которые жмутся, не зная, с какой стороны подступиться к неведомому шедевру, примеряясь по ходу дела то к бытовой комедии, то к сатирическому скетчу, то к лирической мелодраме. К тому же: черный юмор вовсе не обязательно должен быть грубым. Но стоит ли о мелочах? Нет оснований сомневаться в таланте Евгения Графкина (Сол Бозо) и Натальи Карпунниной (Глория), потому и хочется видеть этих актеров в лучшем режиссерском обрамлении.

Вспомнилась к месту знаменитая фраза, которой за сценой обычно "разыгрывается" шум толпы: "что говорить, когда не о чем говорить". Не стоило, повторю еще раз, садиться писать, не возникло бы резкостей, которых не люблю, к которым стараюсь не прибегать. Сердился, к тому же, нет причин – зритель смахивает слезы и ашодрирует от души. Такой нынче добрый зритель.

И еще одна фраза – из гитисовских лет, где особой любовью пользовались у нас лекции Алексея Вадимовича Бартошевича об английском театре. А в его лекциях, которые не я один хранию по сей день, мы почему-то очень любили и всегда обращали внимание на коронные его словечки. К примеру, рассказав какую-нибудь чрезвычайно увлекательную историю, любил он добавить, подняв указательный палец вверх: "Но... это в скобках". То есть, все сказанное мною о премьере в Сатире правильнее было бы поместить в скобках. Писать надо было, наверное, о другом. Но... у меня не вышло. Прошу простить невольный каламбур – уж очень много возможных слагаемых вынес режиссер за скобки. И я, теряя остатки профессии, последовал за ним.

● Памела Кронки – Ольга Аросева.

Фото Г.НЕСМАЧНОГО.

Чувствую себя ужасно: стыдно, что нет ни мыслей, ни слов. Непрофессионально. Статья заказана, значит к утру в редакции должен лежать текст. О чем, однако, писать? Об Ольге Аросевой, в бенефис которой был поставлен спектакль "Как пришить старушку". Играет она хорошо. И тут можно было бы вспомнить о ее популярности, уходящей во тьму и глубину застойных лет лучом света – телепередачей "Кабачок "13 стульев", где Аросева была несравненной пани Моникой. Она хорошо сыграла в фильме "Берегись автомобиля", но в восприятии и воспоминаниях многих, моих в том числе, она осталась актрисой одного ампула (поскольку в "Кабачке" у каждого актера в той компании сослуживцев-соседей было свое неизменное ампула).

В новом спектакле Театра Сатиры по пьесе Джона Патрика Аросева играет Памелу Кронки. Памела должна вызывать у зрителей чувство сострадания и она его вызывает: Аросева трогательна, ее афоризмы, полные чисто американского юмора, заставляют улыбаться, ее глаза умудренной жизнью женщины заставляют зрителей плакать. Об этом, конечно, необходимо написать и отдать должное талантливой бенефициантке.

О чем же еще?

Два слова об отсутствии традиций "черной комедии" на русской сцене, абзац о постановщике спектакля Михаиле Зонненштрале, который уже не раз в Театре Сатиры терпит неудачу как режиссер. Об эпизодической роли страхового агента, которую сыграла старейшая московская актриса Валентина Токарская – ее исполнение заслуживает самых добрых слов.

Все это зафиксировать нетрудно – выйдет отчет.

Стыдно. Склонившись над листом бумаги, чувствую безнадежность своих усилий.

Ах, почему спектакль не очень плох? Критиковать легче. И почему, скажем, не так хорошо? Хвалить – приятнее. Иногда, случается, даже звонят, говорят "спасибо". Но все чаще на вопрос о постановке в ответ получаешь лишь невразумительное пожатие плеч с еще менее определенным "Нечего особенно сказать". Понятно: раз нечего сказать, можно ходить, а можно и не ходить. Непонятна причина, по которой тот или иной спектакль возник. Хотя нет – причины эти чаще всего лежат на поверхности: у кого-то давно не было роли, очередному режиссеру надо дать работу, в ином театре юбилей, и необходимо поставить что-то новое. Не найти лишь художественных обоснований, поскольку их, увы, нет.

Писать о таких спектаклях – дело неблагодарное. Себя только ставить в неловкое положение. Надо было разузнать, что к чему (это

всегда возможно) и вовремя отказаться. А то, как писала Ахмадулина: "Уже рассвет темнеет с трех сторон, а все ж руке недостает отваги, чтобы пробиться к близне бумага...". Недостает-то оно недостает, а уж подходит к концу вторая страница.

Надо попробовать написать о таком спектакле. Ход только найти – и написать.

Что там, например, с режиссурой? Уловить можно разве смутное понимание того, что может пользоваться успехом. Я не против Джона Патрика, автора "Как пришить старушку", я